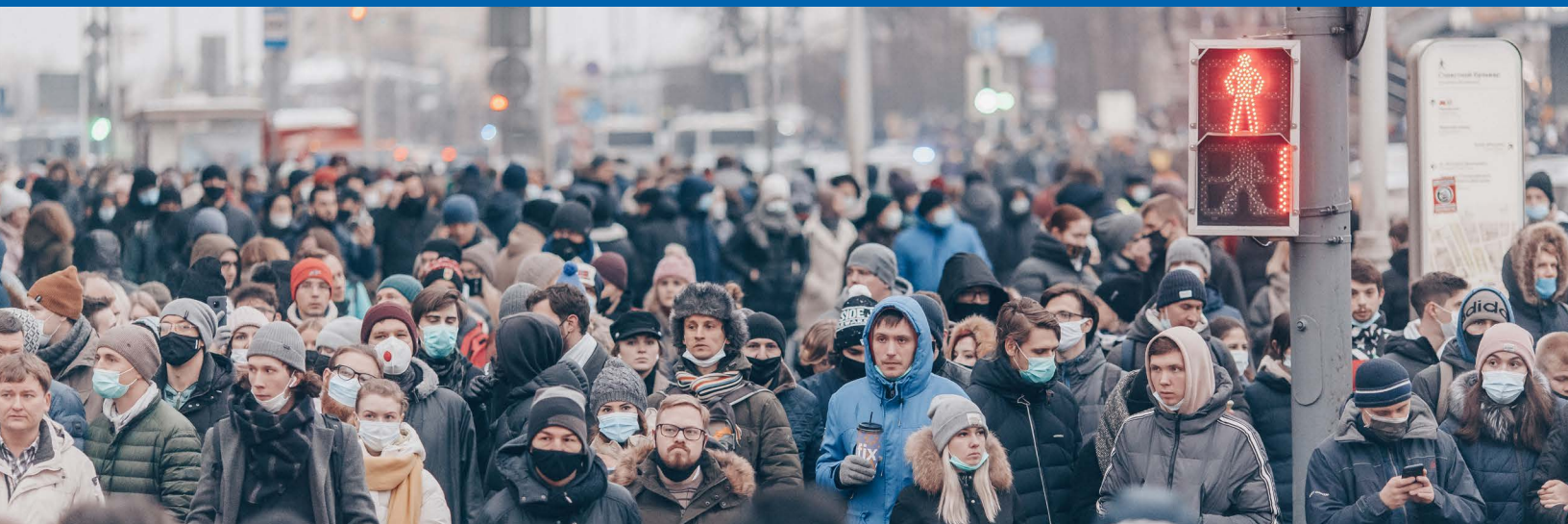

Проект «Транзит»

Как обеспечить поддержку и доверие россиян

 FREE
RUSSIA
FOUNDATION

2024

Ссылаясь на неудачный опыт предыдущих демократических реформ, пессимисты утверждают, что и после Путина в России ничего хорошего не получится: тогда не смогли — значит, и теперь не сможем. На самом деле демократия далеко не всегда приходит с первого раза. В политологии существует точка зрения, согласно которой любой — даже неудавшийся — демократический опыт повышает шансы на успешную демократизацию в будущем. Сэмюэл Хантингтон, например, выделял «вторую попытку» в особый тип демократизации. Логика в том, что демократизируясь в первый раз, страны и правительства совершают ошибки, которые в конце концов ведут к падению демократии и установлению авторитаризма. Вторая попытка, по мнению исследователя, бывает в этом смысле более успешной — именно потому, что модернизаторы следующего поколения оказываются способны учесть ошибки предшественников и избежать их повторения.

Вот что Хантингтон писал в своем исследовании третьей демократической волны: «23 из 29 государств, демократизировавшихся в промежутке между 1974 и 1990 гг., имели предшествующий демократический опыт. <...> Большинство стран, бывших авторитарными в 1974 г. и не демократизировавшихся до 1990 г., не имели такого опыта. Таким образом, можно сказать, что в 1974 г. отличным способом предсказать, демократизируется ли какая-нибудь авторитарная страна в будущем, было понимание того, есть ли у нее демократический опыт вообще»¹.

Или вот еще, тоже из Хантингтона: «В 1970-е гг. многие авторитарные режимы столкнулись с проблемами в части своей легитимности из-за предыдущего демократического опыта. Можно сказать, что общественное сознание в них было заражено демократическим вирусом и даже если предшествующий демократический опыт в них нельзя признать успешным, в сознании народа засело, что по-настоящему легитимное правительство должно быть демократическим. Авторитарные правители там вынуждены бывают, таким образом, обосновывать свои претензии на

1 Huntington, S. The third wave. Democratization in the late twentieth century. University of Oklahoma press, 1993. P. 44.

власть демократической риторикой и доказывать, что именно их режимы являются по-настоящему демократическими».

Почему отечественные власти никак не могут решиться на отмену выборов, несмотря на то, что им этого очень хочется? Просто потому что это будет чрезвычайно непопулярным решением. При всей любви апологетов теории «уникальности российской цивилизации» к утверждениям обратного рода, наше общественное сознание тоже заражено этим самым «демократическим вирусом». Люди далеко не всегда понимают, как именно должны функционировать институты демократии и правового государства, но само желание сделать свой голос слышимым, наслаждаться свободой выбора и наличием набора неотчуждаемых прав у них безусловно есть.

Время от времени Левада-центр проводит опросы, замеряя, какие права являются для граждан наиболее востребованными. Вот важная закономерность: в последние годы приоритет начал явственно смещаться с тех прав, которые можно назвать материальными, в пользу тех, которые носят политический характер. Так, если в 2017 г. в числе наиболее важных право на медицинскую помощь [называло](#) 70% населения, то к концу 2021 г. этот показатель упал до 62%. Число людей, отметивших в качестве приоритетных право на социальную защиту и достойный жизненный уровень, снизилось с 57 до 52%. Право на работу, хорошие условия и справедливую оплату труда опустилось с 56 до 51%, а право на бесплатное образование — с 59 до 49%. При этом спрос на свободу слова вырос за то же самое время с 34 до 61%. Число респондентов, назвавших в качестве приоритета право на справедливый суд, увеличилось с 50 до 62%; право на получение информации — с 25 до 39%; право на свободу от насилия, унижений и произвола — с 38 до 44%; свободу совести — с 22 до 36%; право на участие в общественной и политической жизни — с 16 до 26%. Количество людей, выделивших в виде приоритета свободу мирных собраний, шествий, митингов и ассоциаций, выросло ровно в два раза — с 13 до 26%. Вопросы неприкосновенности имущества и жилища, а также права на владение частной собственностью не являются политическими в строгом смысле этого слова, однако в сегодняшних российских условиях рост спроса на них можно смело связать с усиливающейся проблемой государственного произвола. Так вот, значимость первой проблемы увеличилась с 46 до 53%, а вторая подросла с 40 до 46%. В общем, тренд вполне говорящий: в последние годы перед войной общество понемногу политизировалось, демонстрируя при этом явный крен в сторону ценностей демократии и правового государства. Что касается одновременного снижения интереса россиян к материальным правам, то оно доказывает,

что граждане страны живут «не хлебом единым» и не чужды определенного политического романтизма — вещи, для демократического транзита совершенно необходимой.

А еще имеет смысл ознакомиться с данными [исследования ЦИРКОН](#), проведенного весной 2021 г. Тогда социологи специально проверили отношение граждан к некоторым «антидемократическим» утверждениям, активно используемым сторонниками нынешней власти, и выяснили, что они совсем не так популярны, как принято считать. Выбирая между формулировкой «для достижения высшей цели или общественного блага иногда можно выйти за рамки закона» и заявлением, что «переступать через существующие законы нельзя ни при каких обстоятельствах», с первым вариантом согласилось 33% опрошенных, а со вторым — 55%. Выбирая между утверждением «интересы государства важнее интересов отдельных граждан» и формулировкой «интересы граждан важнее интересов государства», в пользу государства высказалось 26% опрошенных, а в пользу граждан — 59%. Будучи спрошенными о том, должны ли выборы всегда быть альтернативными или в некоторых ситуациях можно разрешить и безальтернативные выборы, 87% заявило, что альтернатива должна быть всегда. О своей приверженности противоположной точке зрения сказали лишь 7%.

Сошлюсь и на личный опыт. В 2015 г. — на пике «крымского консенсуса» — мы проводили в одном российском регионе серию фокус-групп. В числе прочего спросили респондентов: должны ли местные власти — а они там были вполне рейтинговые, — всегда ориентироваться на мнение людей или они должны уметь иногда пойти против общественного мнения, особенно в ситуациях, когда им предстоит принять стратегически верное, но непопулярное решение? Все участники заявили, что власть должна всегда следовать пожеланиям жителей. Модератор стал уточнять: «Но ведь иногда бывают ситуации, когда предлагаемое людьми решение является популистским. На первый взгляд оно хорошее, но в конечном счете оказывается неправильным». Он привел пример: «Вот строили у вас пару лет назад несколько развязок, люди были недовольны. Спроси их тогда — они бы остановили стройку, а сейчас всем хорошо — пробок стало меньше. Выходит, что власти, настоявшие тогда на своем вопреки мнению местного населения, были правы?» Большинство осталось при своем мнении: власти не должны принимать решения, игнорирующие мнение людей, ни при каких обстоятельствах.

В общем, демократия — по крайней мере на нормативном уровне, — в

России уже вполне проросла. Использованное Хантингтоном сравнение с вирусом представляется мне удачным. Многие вирусы именно так и работают: незаметно присутствуют в организме и, пока тот крепок, никак не проявляют себя. Стоит, однако, ему ослабеть — и вирус вступает в дело. Российская власть сейчас как раз слабеет.

Не смешивать политические и экономические реформы

Говоря о предстоящих демократических реформах, следует помнить, что они стартуют не в вакууме, а в условиях конкретной политической ситуации, поэтому отношение населения к ним будет определяться не только их содержанием, но и спецификой момента. **Одно дело, если демократизацией займется отступающий режим, который попытается таким образом адаптироваться к общественному запросу и сохранить себя, и совсем другое — если реформы предложит новая, недискредитированная пока еще власть.** В первом случае права на ошибку у реформаторов не будет; во втором люди, скорее всего, согласятся повременить с результатом и предоставят им некоторый карт-бланш.

Принципиально важно, кто именно войдет в состав правящей коалиции: окажутся ли это умеренные политики в духе Александра Керенского — или власть захватят радикалы вроде большевиков. От того, кто начнет реформы, будет зависеть и то, кто окажется в числе ее критиков. Если перемены запустит условный Михаил Горбачев, то справа не него будет давить условный Борис Ельцин. Он будет дискредитировать действия реформаторов как половинчатые, недостаточные и слишком медленные. Консолидировать общественную поддержку умеренным в этой ситуации будет не так-то просто — гораздо сложнее, чем новому Ельцину, против которого выступят только «бывшие»².

Принципиальное значение будет иметь, чем закончится война с Украиной. В случае, если она завершится очевидным поражением российской армии, деморализованные сторонники авторитаризма еще долго не сумеют поднять голову. Они в буквальном смысле слова разойдутся по своим кухням и будут пить горькую, жалуясь на то, «какую страну проворонили». Если же результаты войны не будут разгромными и будут допускать двойное толкование, то полной демобилизации z-лагеря

2 Критиковать радикал-реформаторов будут, конечно, и умеренные сторонники реформ, но от их критики будет легко отмахнуться, зачислив критиков в ряды «бывших».

не произойдет. В этом случае реформаторам придется намного труднее.

В общем, точно обрисовать сценарий, по которому пойдут преобразования, сейчас невозможно. Можно попробовать, однако, обозначить некие общие закономерности и дать некоторые рекомендации.

В чем можно быть уверенным, так это в том, что **организаторам предстоящих преобразований придется гораздо легче, чем их предшественникам из 90-х**. Во-первых, таких непопулярных шагов, как массовая приватизация, сейчас не предвидится. Если перераспределение имущества и случится, то это не будет превращение общественной собственности в частную. Скорее это будет движение в обратном направлении — несправедливо нажитое имущество путинских олигархов будет изыматься у них с помощью судебных решений либо в пользу государства, либо в пользу тех собственников, у которых они его отобрали при Путине. Причин возмущаться по этому поводу у граждан страны не будет. Защищать ковальчуков и ротенбергов? Увольте! Более того, происходящему совсем несложно будет резко добавить популярности. В своей книге [«Как убить дракона?»](#) Михаил Ходорковский предлагает использовать часть конфискованных у путинского окружения средств для наполнения специального фонда, из которого будут финансироваться социальные расходы граждан. Нет никаких сомнений, что если указанный шаг будет сделан, он существенно повысит котировки реформаторов³.

В целом большинство предстоящих реформ будет отвечать общественному запросу. Создание независимой судебной системы и отказ от телефонного права? Люди давно об этом мечтают. Децентрализация системы управления страной в виде возврата к принципам федерализма и наполнения реальным содержанием института местного самоуправления? Трудно придумать что-нибудь более популярное.

Как отмечено выше, на нормативном уровне идеалы демократии и правового государства россияне практически уже усвоили. Навязывать непонятные и чуждые народу ценности не понадобится. Помимо этого,

3 Поиск оптимального соотношения темы демократических реформ с идеалами перераспределительной справедливости станет самым серьезным тестом на политическое мастерство для будущего демократического правительства. Ему предстоит пройти по лезвию бритвы: дать основным группам населения ощущение восстановления справедливости через перераспределение национального богатства от богатых к бедным, не отпугнув при этом ядро сторонников демократии, которые могут воспринять подобные шаги как популизм.

с институциональной точки зрения ситуация сейчас намного легче, чем в начале 90-х. Базовые структуры демократии — конкурентные выборы, многопартийность, разделение властей, — давно сформированы, их не надо создавать с нуля. Все, что нужно, — это наполнить их реальным содержанием. Здесь есть обо что споткнуться, однако это совсем не то, что было в случае с СССР, когда опереться на прежнюю институциональную среду у реформаторов вообще не было возможности.

Одной из важнейших проблем 90-х стало наложение структурных экономических реформ на политические преобразования. Первые запустили процесс, известный в литературе как первоначальное накопление капитала. Дух эпохи такового накопления обычно оказывается очень меркантильным и циничным. Идеалам общественного служения — крайне необходимым для проведения политических реформ, — прорасти в таких ситуациях бывает очень сложно, практически невозможно. В ситуации, когда все вокруг «делают деньги», когда в одночасье возникают миллиардные состояния, а кумирами молодежи и новыми «хозяевами жизни» становятся нувориши, политикам очень трудно отказаться от соблазна направить свое влияние не на реализацию корыстных интересов осаждающих их групп влияния, а на поиск идеального баланса ветвей власти, защиту принципа свободы слова, демократизацию и прочие абстракции.

Таким странам, как США или Великобритания, в этом смысле повезло гораздо больше, чем России. У них процессы формирования демократических институтов и капиталистических отношений не были спрессованы в несколько лет. Они оказались сильно растянуты во времени. Периоды доминирования ценностей дикого капитализма чередовались там с более «романтическими» эпохами демократических реформ, а не накладывались на них и не блокировали, как было у нас в 90-е. Вторые очень органично вырастали из первых. Прогрессивистская эра в США, например, стала возможной именно благодаря общественному запросу, сформировавшемуся как реакция возмущения многочисленными злоупотреблениями «позолоченного века». То же самое можно сказать и про демократические реформы викторианской эпохи, выросшей из эксцессов периода огораживания и промышленной революции конца XVIII в.

Постсоветские элиты были, по сути, детьми демократической революции, от этих людей можно было ожидать некоторого «романтизма». Революции всегда выносят на поверхность немалое число романтиков.

Собственно, именно так социумы обновляют себя — через приход к власти людей, разделяющих возвышенные идеалы народовластия и прав человека. У нас эти люди в политике, к сожалению, не закрепились — во всяком случае, на ведущих ролях. Помимо отсутствия люстраций, им помешало то, что одновременно с политическими преобразованиями в стране были запущены экономические реформы. Общегосударственная собственность тогда становилась частной, в воздухе витал запах сказочных богатств, и это мешало бескорыстно заниматься политикой. Соблазн больших денег был слишком велик, идеализму в их присутствии попросту не осталось места. Как [сказал](#) по другому поводу Василий Ключевский, «столкновение политических идей сопровождалось борьбой экономических состояний».

Думаю, новому российскому режиму имеет смысл извлечь из всего этого урок на будущее. Конечно, полностью развести темы демократических реформ и перераспределения накопленных богатств не получится. Заниматься придется и тем, и тем. Но власти должны будут продемонстрировать свое намерение максимально дистанцировать одно от другого. Между людьми и институтами, которые будут заниматься указанными вещами, должна быть воздвигнута настоящая «китайская стена» — примерно такая же, что применяется в инвестиционном банкинге. Возможно, для рассмотрения исков о конфискации собственности путинского окружения и ее возврата прежним владельцам будет иметь смысл создать систему специализированных трибуналов, которые будут отделены от судов общей юрисдикции. Нынешнему российскому истеблишменту эта мысль покажется абсурдной, но, строго говоря, занятие политикой вовсе не обязательно предполагает в качестве цели личное обогащение. Политическая коррупция есть во всех странах, но во многих она является исключением, а не правилом.

Общество должно видеть, что новая власть осознает проблему и пытается с ней бороться. С учетом того факта, что путинский режим имеет репутацию очень коррумпированного, добиться общественной поддержки с помощью демонстративной отстройки от предшественника именно по этой теме будет для новой власти легче всего. Различные антикоррупционные программы, проекты, проверки, постоянное демонстративное внедрение и использование лучших мировых практик в этой части должны стать постоянным фоном действий постпутинского режима.

Сохранить сильный центр под демократическим контролем

Пожалуй самой взрывоопасной проблемой, с которой столкнутся новые власти, будет национальный вопрос. Когда-то именно на нем поскользнулись реформаторы советской эпохи. Да и феномен Путина тоже в значительной степени вырос из него. Борьба с региональной фрондой, которую новый президент с пафосом называл «сшиванием России», стала одним из ключевых кремлевских проектов во время первого срока президентства Путина.

Нет никаких сомнений в том, что как только российские регионы почувствуют ослабление федеральной власти, они тут же резко качнутся в сторону от нее. Спрос на критику Москвы колоссальный — и в элитах, и среди населения. Путинская сверхцентрализация настолько всем надоела, настолько всех раздражает, что удержать ситуацию в нынешних рамках точно не получится. В ходе упомянутого выше опроса ЦИРКОН полстеры [спросили](#) россиян о том, должна ли большая часть собираемых налогов уходить в центр на федеральный уровень или она должна оставаться в регионах и распределяться региональными властями. В пользу центра высказалось лишь 14%, в поддержку регионов — 77%.

В национальных республиках такие настроения неизбежно приобретают этнический окрас. Как только этническая интеллигенция почувствует, что металла в голосе Москвы стало чуть меньше, она тут же приступит к «возрождению национальных культур» и «спасению национальной идентичности». Державная идеология дискредитировала себя и держится исключительно за счет административных усилий. Как только власть ослабеет, выяснится, что «скрепы» проржавели. Как в конце 80-х, возникнет идеологический вакуум, и точно так же его заполнят этнонационалисты. Их активизация обязательно приведет к росту недовольства значительной части русского населения: последнее выступит против таких, например, шагов, как включение национальных языков в школьные программы в качестве предмета, обязательного к изучению, и это безусловно приведет к росту озлобленности наиболее этнически озабоченных групп местного населения. Противоречия в результате подобного рода эскалации могут быстро перерасти в жесткое межнациональное противостояние.

Что в этой ситуации смогут сделать новые власти?

Первый гипотетический вариант — максимальная уступка регионам и

децентрализация. Проблема в том, что никакого чувства благодарности по отношению к реформаторам регионы испытывать не будут. Как всегда бывает в подобных случаях, они решат, что сами всего добились, и будут требовать все большего. При этом «движение в направлении развала России» приведет к росту недовольства в поле федерального общественного мнения. Здесь возникнет очень серьезный риск: угроза распада России, будучи поставленной в повестку, способна вновь мобилизовать в политику выпавших было из нее сторонников авторитаризма⁴. Консолидировать значимые группы избирателей с помощью борьбы против демократических преобразований *per se* им будет сложно, а вот выступление с призывом остановить распад страны вполне способно это сделать. К тому же стоит иметь в виду, что в регионах могут начать возникать новые «султанаты» — недемократические режимы, опирающиеся на активно создаваемые сейчас ЧВК местных нуворишей, — и это тоже будет работать против реформаторов. Все это будет способствовать усилению запроса на «наведение порядка» и «восстановление законности».

Конечно, новое правительство может попытаться занять жесткую позицию: экономической и культурной децентрализации в определенных объемах — да, политической — нет. Проблема в том, что наверняка найдутся регионы, которые будут настаивать на своем. Что с ними делать? Найдутся ли у новой власти ресурсы, чтобы использовать против них силу? Вряд ли. Во-первых, большинство граждан страны подобного сценария не одобрит, а игнорировать общественное мнение новой демократической власти будет сложно. Даже если попытаться «стукнуть кулаком по столу», получится неубедительно — примерно как у Ельцина во время

4 Чтобы представить себе, как это может произойти, достаточно вспомнить историю прихода в политику Гитлера. Как известно, первым шагом в ней для будущего фюрера стало вступление в только что образовавшуюся Немецкую рабочую партию, которую он впоследствии и возглавил, преобразовав ее в НСДАП. Приглашение о вступлении он получил после страстной речи, направленной против идеи отделения Баварии, которую он произнес на партийном собрании в одной из пивных Мюнхена. Как вспоминал впоследствии в «Майн Кампф» будущий создатель Третьего рейха: «С меня было довольно и я уже собирался уходить, как вдруг было объявлено, что теперь начнется свободная дискуссия. Я решил послушать <...> профессор неожиданно заявил, что он готов встать «на почву фактов», но тем не менее советует молодой партии самым настоятельным образом, чтобы она прибавила в свою программу один важный пункт, а именно отделение Баварии от Пруссии. <...> Тут я не выдержал и тоже записался в число желавших говорить. Я резко отчитал ученого профессора и в результате мой ученый еще до того, как я успел закончить свою речь, удрал как собака, политая водой». После выступления партийцы пригласили Гитлера в свои ряды, он согласился, а что было дальше — хорошо известно.

Первой чеченской войны. Голоса сторонников «единой и неделимой» не приобретешь, а вот поддержку значительной части либерального лагеря потеряешь.

Но даже в случае, если новые власти проигнорируют общественное мнение, мотивировать армию у них все равно не получится. Попытки использовать силу могут привести к чему-то вроде того, что происходило во время чеченской кампании: военные совершенно не понимали логики происходящего, ведь с их точки зрения Чечня не делала практически ничего из того, чего не делали Татарстан с Башкортостаном, однако тех федеральные власти не только не трогали, а как бы даже поощряли, а этих — приказали убивать. В этой ситуации армия была совершенно ни на что убедительное не способна. Смысл в ее действиях появился только в 1999 г., когда террористы попытались вторгнуться на территорию России. В том случае, если новые сепаратисты ничего подобного делать не будут, удержать их силой будет крайне непросто.

Если вывести за скобки силовой сценарий, то единственным способом убедить сторонников отделения остаться в составе России остается подкуп. Придется отдать им столько ресурсов и полномочий, что от федерального центра в отношении с ним после этого сохранится одно название. При этом есть риск, что за пионерами последуют и другие регионы. «Если им можно, то почему нам нельзя?» — с этой логикой сложно спорить. Все это быстро дискредитирует новое правительство, а заодно дискредитирует и проводимые им реформы. Власть, которая ничем не управляет, не уважают.

Этого сценария надо всеми силами избегать. Дальше определенного уровня разумной децентрализации в своих уступках регионам лучше не идти. Если кто-то из них объявит о своем намерении выйти из состава страны, давать добро на это вовсе не обязательно. Можно занять позицию непризнания такого шага (строго говоря, с точки зрения закона он и не может быть признан), однако отказаться от попыток силового удержания сепаратистов в составе России. Переговоры о судьбе региона можно отложить и на 5, и на 10 лет. Столкнувшись со сложностями независимого существования, он и сам может передумать. Миру известны истории разворотов подобного рода: к примеру, Шотландия с ее многовековой традицией борьбы за независимость на референдуме 2014 г. проголосовала за то, чтобы остаться в составе Великобритании.

Решая проблему этносепаратизма, важно не впадать в пафос и эмоции. Нужно понимать, что национальные республики требуют отделения не со зла, а потому что у них, по сути, нет выбора. Логика примерно следующая:

«Мы бы могли остаться в составе единой России на условиях реального федерализма, но ведь мы уже знаем, что Москва нам сегодня федерализм дает, а завтра отнимает. Остаться с ней — значит зависеть от ее настроения, а мы этого не хотим».

Единственное, что в этой ситуации можно сделать, — это попытаться объяснить представителям регионов, что сохранить разумную децентрализацию можно только вместе, общими усилиями. Формула простая: если вы будете требовать себе слишком много, то дождетесь, что нам на смену придет очередной Путин и прижмет вас к ногтю. Лидеры национальных республик 90-х совершили эту ошибку — разобрали страну практически на запчасти и спровоцировали мощный всплеск запроса на централизацию, жертвой которого их республики потом и пали. Не повторите их ошибок.

Можно попробовать заключить с лидерами федералистского движения что-то вроде пакта Монклоа, с помощью которого испанские политики смогли когда-то обеспечить относительно гладкий транзит от авторитаризма к демократии. Строители нового режима должны договориться о самоограничении своих appetitov. Проблема здесь не только в том, что в российской политике компромиссы не в чести (в Испании когда-то тоже так было, достаточно вспомнить Гражданскую войну), но еще и в том, что российские либералы склонны признавать только индивидуальные права граждан, считая коллективные права наций и других социальных групп пустым звуком. У либералов безусловно возникнет соблазн проигнорировать требования этнической интеллигенции — сценарий, которого лучше избежать, потому что игнорирование будет способствовать отчуждению регионов и накоплению потенциала для взрыва.

В целом необходимо будет проводить курс на укрепление тех институтов, которые «централизуют» политический процесс — таких, как партии, — и по возможности ослаблять игроков, работающих на раскрутку центробежных сил. Одной из потенциально серьезных проблем представляется недооценка роли политических партий представителями российского оппозиционного движения. В своей упомянутой выше книге Ходорковский критикует партии за слабость, предлагая вместо них сделать ставку на федерализм и регионы. Но если партии так и останутся слабыми, то ни федерализм, ни регионы демократию не спасут. Надо создавать условия для укрепления института партий, а не искать, чем их подменить. Первое, что можно сделать, — это отказаться от одномандатных

округов и перейти к пропорциональной системе избрания депутатов Госдумы. Возможно, аналогичную меру будет иметь смысл реализовать и в отношении региональных законодательных собраний.

В настоящий момент ключевым инструментом ослабления партий являются региональные элиты. Контролируя избирательный процесс на местах и обеспечивая избрание нужных одномандатников, они ставят последних в зависимость от самих себя и далее — от Кремля. Одномандатник лоялен тому, кто обеспечил его избрание, а это административный ресурс. Партия для одномандатника вторична.

Подобное положение дел на какое-то время сохранится и после падения режима. Нужно понимать, что в российской провинции, во многих ее частях местные элиты достаточно жестко контролируют избирателей. Замена Путина демократическим правительством автоматически к изменению этой ситуации не приведет. Если ты директор градообразующего предприятия, а другой работы в округе нет, то независимо от того, что происходит в Москве, здесь, в глубинке, ты еще долго будешь выигрывать любые выборы. Тем более если в условиях всеобщего хаоса ты успел обзавестись своей ЧВК.

Надо быть готовыми к тому, что и после падения нынешнего режима на протяжении какого-то периода времени провинция будет присылать в парламент местных «хозяев жизни» или их ставленников. Объединив усилия, они смогут создать реформаторам серьезные проблемы и заблокировать многие необходимые преобразования.

Чтобы избежать подобного развития событий, механизмы выдвижения кандидатов и формирования предвыборной повестки лучше централизовать. Для этого и нужен отказ от одномандатных округов и переход к голосованию по партспискам. Первые постреволюционные выборы должны быть выборами по ключевым вопросам большой политики, а местным баронам с их обещаниями решить все проблемы округа места там быть не должно. **Парламенту, который будет заниматься реформированием России, нужны будут депутаты-законодатели, а не лоббисты местных интересов.** В конце концов, для заботы о последних у населения есть губернаторы.

Да, сейчас кажется странным рассуждать о необходимости централизации политического процесса. В условиях тотальной централизации актуальным представляется думать о ровно противоположном. Но потребность в децентрализации настолько очевидна, а запрос на нее столь силен, что она в любом случае случится.

Тысячи агентов по всей стране будут ее требовать и организовывать. Центру ничего этому противопоставить не удастся. Вот тут-то и возникнет угроза, что вместе с водой мы выплеснем и ребенка.

В соответствии с давней российской традицией кидаться из крайности в крайность сторонники реформ бросятся разваливать ненавистную систему, доведя ее в итоге до коллапса. Радоваться этому могут только фанаты абстракций — люди, неспособные почувствовать динамику политического процесса, неспособные понять, что именно в этот момент возникнет главная угроза поступутинским демократическим реформам.

Как я уже упоминал, постановка в повестку вопроса о распаде страны мобилизует консервативные группы населения и даст шанс политикам путинского типа вновь протоптать путь к их сердцам («отечество в опасности»). Именно эта активизация консерваторов может похоронить надежду на успешную демократизацию России. Чтобы этого не случилось, вопросами ее территориальной целостности должны озаботиться сами реформаторы. Избирательная система тоже должна быть соответствующей. Только в этом случае децентрализация будет носить осмысленный характер и не превратится, как это было в случае с СССР, в разгул разрушительной стихии. Тогда и новый «собиратель земель российских» в конце концов не появится.

Пренебрежительное отношение к институту политических партий (они, мол, непопулярны и вообще устарели), столь характерное для современной российской политики, совершенно недопустимо. Устарели, да — об этом на Западе тоже давно говорят, лет 30 как минимум, — но ничего другого вместо партий человечество пока не придумало. Какие-то отдельные их функции, конечно, могут исполнять и другие институты — например, СМИ, — но в целом их заменить пока нечем.

Надо понимать, что демократизация России приведет к росту политического участия масс, а главной организационной формой такового являются именно партии. В конце концов, партия — это не более чем объединение неравнодушных граждан, разделяющих определенные ценности и имеющих схожие политические представления. Почему, например, Англия и Америка 100 лет назад избежали революции, а Россия нет? Там ведь тоже на протяжении XIX в. шла индустриализация и формировался рабочий класс. Он тоже подвергался эксплуатации и добивался для себя социальных, а затем и политических прав. Там были и забастовки, и вооруженные столкновения с полицией, однако революций все-таки не произошло. Потому что в указанных странах, в

отличие от России, к тому моменту, когда в политику стали входить новые группы, уже сформировались сильные партийные системы. Политическая инфраструктура этих стран смогла интегрировать новых участников политического процесса, направив их энергию в мирное русло.

Формула устойчивости модернизирующихся обществ давно известна: темпы институционализации политических систем должны превышать скорость политизации населения. Перед тем как предоставлять политические права прежде лишенным их субъектам, нужно создать инфраструктурную среду, в рамках которой их политизация будет осуществляться. Важнейший элемент указанной среды — это партии.

Крайне важно понимать, что для успеха реформ необходимо будет сохранить управляемость страной — причем речь тут идет не только об отношениях между центром и регионами, но и о распределении властных полномочий на общенациональном уровне. Сделать это будет очень непросто, потому что сохранение управляемости будет противоречить естественно доминирующему после падения авторитаризма желанию максимально ослабить политический центр.

Надо иметь в виду, что после смены режима говорить от имени дискредитировавших себя при Путине государственных институтов будет непросто. В любом конфликте федеральной бюрократии с представителями гражданского общества, СМИ, интеллигенции, российскими регионами, Украиной, мировым сообществом и так далее общественное мнение будет всегда на стороне последних. Буквально все будут исходить из презумпции виновности государства — даже значительная часть чиновничества. У последнего в буквальном смысле слова появятся комплексы.

Этот момент станет самой опасной ловушкой, которая возникнет на пути российского правительства и российского общества. Соблазн вылечить головную боль с помощью гильотины будет очень велик. Число желающих не просто разогнать опостылевший путинский истеблишмент, но и разгромить само здание, в котором тот заседал, будет огромным (вспомним вековую любовь крестьян к погрому барских усадеб). Отстаивать легитимные интересы государства в такой атмосфере будет очень сложно.

Ключевой вопрос, на который предстоит ответить будущим российским реформатам, — это то, насколько централизованной должна быть следующая политическая система страны. С одной стороны, если социум хочет избежать возрождения авторитаризма, то естественным представляется максимальная децентрализация и создание

многочисленных противовесов главному субъекту властвования. С другой стороны, россияне привыкли к «сильной руке» и если долго не будут ее видеть — тем более, если ее отсутствие совпадет по времени с падением уровня жизни — они вновь могут ее возжелать. Тогда возникнет риск появления нового Путина, требующего «наведения порядка».

Чтобы избежать подобного сценария, ощущения «безвластия» в стране возникать не должно. Для этого придется сохранить сильный политический центр, обеспечив, однако, за ним строгий демократический контроль.

Чтобы понять, о чем идет речь, имеет смысл сравнить два государства, между которыми у нас принято ставить знак равенства, хотя делать этого ни в коем случае нельзя, — США и Великобританию. В поиске оптимального соотношения принципов демократической представительности и управленческой эффективности они пошли совершенно разными путями. Американцы предпочли децентрализовать систему, положив в ее основу принцип сдержек и противовесов; англичане — поставили во главу угла идеалы управляемости.

В разгар финансового кризиса 2008 г. председатель британского казначейства Элистер Дарлинг, только что одобдивший выдачу правительственных гарантий местным банкам, публично рассуждал о том, как он рад, что «в отличие от многих зарубежных коллег у меня есть полномочия принимать такие решения — невзирая на несогласие Банка Англии, — без необходимости запрашивать разрешение парламента»⁵. Бывший американский посол в Британии Раймонд Зейтц описывал все это следующим образом: «Вспоминая расколотую, фракционную американскую политику, приезжающий в Британию житель США с удивлением видит, насколько свободно чувствует себя британское правительство. Когда я только начинал здесь жить, в 70-е годы, мне понадобилось немало времени, чтобы осознать, что правительство Великобритании, опирающееся на простое большинство в нижней палате, вольно делать то, что считает нужным. <...> Я искал конституционные сдержки и институциональные противовесы, которые могли бы ограничить власть британского правительства, но не мог их найти»⁶.

В США дело обстоит ровно противоположным образом. Вот что,

5 Wright, T. British politics. Oxford University press, 2013. P. 52.

6 Ibid., pp. 12—13.

например, писал об этом в своей знаменитой статье [America in Decay](#) Фрэнсис Фукуяма: «Институциональным приоритетом США, опирающимся на давнюю традицию недоверия к правительству, характерную для этой страны, стало формирование и развитие институтов, ограничивающих государство, — таких как суды и законодательные органы». Автор подробно рассказывает, что те правительственные функции, «которые в Европе реализуются усилиями бюрократического аппарата, управляемого исполнительной властью, в Америке исполняются судами и законодателями». Рассуждая об американском государственном устройстве, Фукуяма использует понятие ветократии. Он пишет, что США исторически были зациклены на формировании системы сдержек и противовесов, что в итоге и привело к заметному снижению эффективности государственной машины, временами напоминая паралич. Исследователь противопоставляет Америке Британию: «Полной противоположностью является так называемая Вестминстерская система, которая развилась в Англии в годы, последовавшие за Славной революцией 1688 г. Она является одной из наиболее решительных в демократическом мире и в чистом виде содержит очень мало ограничителей. По крупному, у жителей Британии есть только один серьезный формальный инструмент, с помощью которого они могут ограничивать всевластие своего правительства, — право время от времени избирать парламент (традиция свободных СМИ — это еще один серьезный неформальный ограничитель). Во всем же остальном система не столько распределяет власть, сколько концентрирует ее. Чистая Вестминстерская система имеет только одну всемогущую законодательную палату — ни отдельного президента, ни сильной верхней палаты, ни писанной конституции, на предмет соответствия которой суды могли бы проверять действующее законодательство, ни федерализма, ни конституционно закрепленных полномочий местного самоуправления. Плюс к этому — мажоритарная избирательная система, которая, будучи помноженной на сильную партийную дисциплину, воспроизводит двухпартийную систему и уверенное парламентское большинство».

Говоря о полномочиях первого лица в Америке, нельзя не процитировать ее бывшего президента Гарри Трумэна: «Я только тем и занимаюсь, что целыми днями пытаюсь убедить людей сделать то, что они на самом деле должны делать без меня. Это единственное право, которое у меня есть». Комментируя избрание генерала Эйзенхауэра президентом, Трумэн сказал: «Бедный Айк, он сядет за стол и начнет командовать: сделайте то, сделайте это... и ничего не будет происходить. Это ведь не

армия»⁷.

Я позволил себе столь длинные цитаты, потому что считаю крайне важным донести до российской аудитории мысль о том, что проблема является гораздо более глубокой, чем выбор между демократией и авторитаризмом. Демократии тоже бывают очень разными, и от того, насколько грамотный выбор соответствующей ее формы осуществят российские реформаторы, зависит, насколько убедительной она окажется в глазах граждан страны.

В завершение темы напомним, что даже в Америке с ее давней традицией недоверия к бюрократии наибольшими симпатиями населения пользуются структуры, наименее подконтрольные обществу, — военные, спецслужбы и Федеральный резерв. Их уважают за то, что они способны *get things done*. Структура же наиболее демократическая — Палата представителей пользуется наименьшей поддержкой граждан именно за то, что погрязла в дискуссиях и ни на что не способна.

Процитированная выше мысль Фукуямы о давней традиции недоверия к правительству, с помощью которой он объясняет, почему американская политическая система является именно такой, какой является, представляется очень важной вот в каком смысле. Формируя систему политических институтов, нужно учитывать эти традиции. Да, они часто бывают отжившими и ненужными, поэтому иногда их нужно уметь отбрасывать. Но даже в этом случае их надо иметь в виду — хотя бы для того, чтобы понимать, что именно здесь возникнет проблема с общественным мнением. Если же традицию можно не отбрасывать, если можно учесть ее хотя бы в какой-то небольшой части, если можно встроить ее в новую систему без сильного ущерба для ее качества, то лучше это сделать.

Объяснять реформы надо будет не только через «так лучше», но и через «на Руси так всегда делалось». Строителям постпутинской России нужно будет воспеть российскую демократическую традицию. Если вы посмотрите, например, как оправдывал необходимость своего «правого поворота» Рейган, и сравните с тем, как свои реформы объясняли российские либералы 90-х, то увидите, что первый продвигал свои идеалы не столько потому, что они правильные, сколько потому, что они исконно американские. Рейган говорил, что по роковому стечению обстоятельств

⁷ Цит. по: Brown, A. The myth of the strong leader. Political leadership in the modern age. Basic books, 2014. P. 15.

США когда-то отклонились влево, но теперь пришла пора вернуться к истокам. Российские же либералы апеллировали не к истории, а к логике. Мол, неважно, как было раньше, важно, сделать так как правильно; вот такой общественный строй правильный, а вот такой, наоборот, — неправильный. **Неудача российских либералов 90-х показала, что история обладает в глазах избирателей большей притягательной силой, чем логика.** Российским либералам будущего предстоит расширить линейку используемых аргументов, сделав упор на собственную историю. В конце концов, Россия — это не только Иван Грозный и Сталин. Наше прошлое знавало и весьма демократическую по меркам своего времени Новгородскую республику, и земские соборы, и боярские думы, и нестяжателей, и реформы Александра II. В конце концов, это о наших предках Прокопий Кесарийский [писал](#): «Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве, и поэтому относительно всех счастливых и несчастливых обстоятельств у них решения принимаются сообща». Таких вещей много, их надо будет извлекать на поверхность, всячески раздувая их значимость. **Либералам предстоит дать консерваторам бой за свою собственную версию российской истории.**

Вообще надо иметь в виду одну важную психологическую особенность успешной революции. Большинство идет в нее не столько ради построения нового общества, сколько для того, чтобы восстановить погранный «исконно существовавший порядок». Рассказ об этом поприще — важная часть революционного дискурса. Во время Английской буржуазной революции ее лидеры объясняли последователям, что роялисты — это потомки уничтоживших традиционные английские вольности норманнов, в то время как революционеры являются потомками англосаксов, время реванша которых наконец пришло. Вожди Французской революции говорили, что простой народ в их стране — это потомки свободолюбивых галлов и римлян, в то время как аристократия происходит от узурпировавших власть франков. Благодаря этим интерпретациям революционеры в глазах большинства выглядели не столько как создатели чего-то невиданного, сколько как люди, боровшиеся за восстановление когда-то существовавшего в их странах «золотого века».

Популяризовав подобный взгляд на историю, революционеры приобретает «момент силы», ведь на их стороне оказываются «законы природы». Пренебрегать этим ни в коем случае нельзя, потому что большинство избирателей при прочих равных всегда выступает за тех, кого считает будущими победителями. Стоит вспомнить, какое внимание

уделяли внедрению тезиса об «исторической предопределенности» победы пролетариата над буржуазией большевики. В общем, создание ощущения естественности выбранного пути является важнейшим фактором успеха, поэтому им нельзя пренебрегать.

Люстрации должны быть продуманными

Еще одним важным фактором, который будет влиять на отношение общества к новому правительству, станет тема восстановления попорченной справедливости — то есть тема наказания представителей прежнего руководства страны за совершенные в момент нахождения у власти преступления и последующих люстраций. В ходе предыдущего раунда демократических реформ, в 90-е вопрос наказания стоял совсем не так остро, ведь в предшествующие своему падению годы советская номенклатура демократизировалась и в конце концов отдала власть практически без боя. Казалось, зачем наказывать тех, кто сам все осознал и встал на путь исправления? С нынешним Кремлем пока все обстоит противоположным образом: он не смягчается, а движется в направлении откровенной диктатуры. Поэтому вопрос ответственности нынешних чиновников за совершенные злодеяния встанет после прихода демократов к власти в самый центр повестки.

Тут очень важно развести темы наказания и люстраций. Их часто путают, и эта путаница способна породить немалые проблемы. Главная задача люстраций — это не расправа над преступниками. Если кто-то совершил конкретное преступление, то он должен предстать перед судом. Люстрации тут ни при чем. **Цель люстраций в том, чтобы в государственных органах оказалось как можно меньше людей, разделяющих ценности старого режима.** Чтобы мера сработала, надо понимать, какие именно структуры прежней власти наполнены носителями кремлевской идеологии выше среднего по обществу, с тем чтобы ограничить именно их права, не ограничивая при этом прав остальных граждан. Членство в «Единой России» таковым критерием, по моему мнению, служить не должно. В партию людей загоняли помимо их воли. В некоторых случаях записывали оптом, целыми трудовыми коллективами. Во время думской избирательной кампании 2011 г., работая заместителем руководителя администрации главы Башкортостана, я с коллегами организовал анонимный опрос рядовых членов партийных организаций в двух городах республики на предмет их электоральных предпочтений. Рейтинг «Единой России» в рядах партийцев оказался примерно равен средним показателям по этим

населенным пунктам и составлял чуть больше 30%. То есть из трех членов партии за единокороссов собирался голосовать только один, двое было настроено оппозиционно. Если ограничить права всех единокороссов, то получится, что двое из трех пострадают безвинно.

В среде американских экспертов широко распространена точка зрения, согласно которой неудача демократического транзита в постсаддамовском Ираке была во многом связана с поспешной и достаточно произвольно осуществлявшейся программой «дебаасификации» страны (название является производной от названия правящей партии саддамовской эпохи «Баас»). Временная коалиционная администрация, возглавившая страну после свержения режима Хусейна, первым же своим указом уволила не только руководителей всех государственных учреждений, но и огромное число сотрудников среднего уровня, включая 40 000 школьных учителей, которые когда-то вступили в партию просто потому что других способов сохранить работу у них не было. Результатом стал паралич системы государственного управления, из-за чего многих уволенных пришлось возвращать. Получился худший вариант из всех возможных: сначала новые власти продемонстрировали «несправедливость» и несолидную «поспешность», а затем «слабость» — отыграли назад. Еще большей ошибкой, по мнению экспертного сообщества, был указ номер два. Им временное правительство распустило иракскую армию. Полмиллиона человек, умеющих обращаться с оружием, осталось без средств к существованию и решило, что рассчитывать на справедливость новых властей не стоит. Именно бывшие военные составили значительную часть боевиков тех группировок, которые погрузили страну в многолетний хаос гражданской войны.

Многие противники нынешнего российского режима считают, что феномен путинизма стал возможен именно потому что в России не было проведено люстраций. Это очень сильное упрощение, и совершенно не факт, что люстрации — будь они осуществлены — сделали бы возврат к авторитаризму невозможным. Из трех работавших при Путине кураторов внутренней политики под люстрации подпал бы только один — бывший комсомольский вожак Сергей Кириенко. Ни Владислав Сурков, ни Вячеслав Володин никоим образом люстрированы быть не могли.

Если мы посмотрим на постсоциалистические страны Восточной Европы, то увидим, что наибольший риск для демократии там представляют Виктор Орбан в Венгрии и партия «Право и справедливость» в Польше. Ни Орбан, ни братья Качиньские, создавшие «Право и справедливость», под

закон о люстрациях тоже не подпадали. Они не были представителями коммунистического режима. Наоборот, они вышли из рядов оппозиции. Именно они и свергли когда-то коммунистов. «Право и справедливость» вообще до сих пор требует расширить действие закона о люстрациях с государственной службы на частный сектор.

Люстрации совсем не обязательно предполагают априорное ограничение в правах. В некоторых странах Восточной Европы, например в Польше, при поступлении на работу в органы государственной власти от соискателя долгое время требовалось лишь заполнить декларацию, в которой он должен был рассказать о своих взаимоотношениях с прежним режимом. Лишался права занимать государственную должность он только в случае, если выяснялось, что он что-то из своего прошлого утаил. После 2015 г., правда, люстрационное законодательство в Польше немного ужесточилось, за что страна и была подвергнута критике со стороны европейских институтов.

При этом утверждать, что люстрации совсем не нужны, тоже нельзя. И Совет Европы, и Европейский суд по правам человека поддержали право государств организовывать люстрационные процессы. Последний в своем постановлении [привел](#) даже такую аналогию: «Падение Веймарской республики, помимо прочего, было обусловлено тем, что государство, неверно проинтерпретировав принципы либерализма, уделяло недостаточно внимания политическим взглядам служащих госаппарата, судей и военных».

Синтия Хорн из Университета Западного Вашингтона, исследовавшая люстрации, проходившие в 12 посткоммунистических странах Восточной Европы, [пришла к выводу](#), что полноценно организованные люстрации повышают шанс на строительство успешной демократии на 30% по сравнению со странами, в которых люстрации не проводились.

Попытка оградить сферы политики и государственной службы от людей, способных поддержать уничтожение демократии, в стране, которая совсем недавно была еще авторитарной, представляется вполне логичной. В конце концов, в жизни много других занятий, помимо политики, поэтому люди, замаранные неблагоприятными делами прежнего режима и попавшие под подозрение, могут поискать себя в чем-то другом. Но надо понимать, что ограничивая пассивное избирательное право тех, кого новая власть подозревает в антидемократических устремлениях, она одновременно ограничивает активное избирательное право других людей, которые ни в чем перед новой властью не провинились. Люстрации ведут к

ограничению политического предложения на электоральном рынке. Будут ли граждане от этого в восторге? Сейчас сказать невозможно. Думаю, что их окончательное отношение к обсуждаемому вопросу сложится в последний момент и будет зависеть от того, насколько цивилизованно будет вести себя уходящий режим. Одно дело, если все пойдет как в Польше, где коммунисты сначала сели с оппозицией за стол переговоров, а затем допустили ее до выборов, совсем другое — если, подобно Чаушеску, они отдадут силовикам команду открыть по протестующим огонь.

Избирая стратегию наказания, лучше всего будет провести серьезное социальное исследование. Людям надо спросить, хотят ли они, чтобы их право избирать того, кого они считают достойным, было ограничено новой властью, осуществляющей предварительную фильтрацию кандидатов, или они предпочитают иметь полную свободу выбора и возможность голосовать в том числе и за сторонников прежнего режима. Если они хотят второго, то опасно их в этом желании ограничивать. Чересчур интенсивные ограничения прав бывшей номенклатуры могут привести к делегитимизации новой власти и утраты ею устойчивости.

Реформаторам предстоит решить не только нужны ли стране люстрации, но и насколько централизованными или децентрализованными они должны быть. В Восточной Германии люстрационный процесс, например, был достаточно децентрализован, единого органа, отвечающего за люстрации, не существовало, поэтому каждый институт занимался ими сам. Это давало шанс разобраться с каждой историей в отдельности — понять, насколько злонамеренным было нарушение норм со стороны того или иного гражданина, насколько тяжелые последствия оно влекло, были ли смягчающие обстоятельства и так далее.

А вообще надо понимать, что помимо избавления системы от опасных — антидемократически настроенных — элементов, важнейшей целью люстраций является повышение доверия к политической системе. Поскольку предыдущий режим объявлен преступным, присутствие в структуре новой власти людей, верой и правдой тому служивших, снизит доверие к ней. Демократия стоит на доверии, и этого доверия надо добиваться.

Готовить план Маршалла уже сейчас

Говоря о том, как обеспечить максимальную поддержку реформ со стороны населения, нельзя хотя бы вскользь не упомянуть международный аспект.

После всех тех проблем, которые в последние годы создала международному сообществу Россия, не будет преувеличением сказать, что определение характера будущего постпутинского режима окажется одной из важнейших стратегической задач, которые предстоит решать Западу. **Уход Путина даст России шанс, и нужно будет им воспользоваться.** Скатывание в бездну очередного авторитаризма не отвечает интересам ни самих россиян, ни остального мирового сообщества. Только не допустив этого, мир сможет чувствовать себя спокойно.

Думаю, что написанное западным элитам давно уже очевидно, поэтому отпускать процесс на самотек так, как это случилось после распада СССР, они сейчас вряд ли захотят. Построение новой России Европа и Америка постараются курировать столь же тщательно, как это было в случае с послевоенной Германией.

Напомню, что идея плана Маршалла тогда была не единственной и возникла не первой. Ему предшествовал так называемый план Morgenthau. Он предполагал деиндустриализацию Германии и превращение ее в сумму нищих сельскохозяйственных территорий. К счастью для немцев, да и для всего остального мира, в рядах победивших союзников прагматизм возобладал над эмоциями, и негативный проект Morgenthau был заменен позитивным планом Маршалла. Было решено, что стать полноценной демократией немцы смогут только в том случае, если в процессе демократизации их уровень жизни будет расти. Так и случилось.

Я понимаю, что сейчас — в момент, когда в Украине идет война и гибнут люди, — рассуждения о необходимости оказания стране-агрессору многомиллиардной помощи кажутся кощунственными. Гораздо более логичным представляется требовать с нее компенсации причиненного ущерба. Лучшее, что я могу предложить в этой ситуации, — это еще раз взглянуть на историю Германии. Будучи обложенными репарациями по итогам Первой мировой войны, немцы ввергли мир в пучину новой бойни. Получив после ее окончания помощь, они трансформировались в одно из самых миролюбивых государств планеты и надежный оплот демократического миропорядка.

В нашем случае, однако, речь не только о далеком будущем.

Сформулированный в виде предложения для новой демократической России, проект нового плана Маршалла мог бы послужить мощным стимулом для роста в стране протестных настроений прямо сейчас. Пока что россияне видят вокруг врагов и поэтому сохраняют лояльность Путину, который их от этих врагов «защищает». **Если россияне убедятся, что мир — не враг, Путин окажется им не нужен.**

Утечка плана Morgenthau в прессу, случившаяся осенью 1944 г., сильно повредила союзникам. Она помогла Геббельсу в деле мобилизации немцев на борьбу до конца. Взглянув на то, что им припасли американцы, жители Германии убедились, что нацистские пропагандисты правы: речь действительно шла не о будущем режима, а о судьбе всей нации. Как сказал кандидат в президенты США от республиканской партии Томас Дьюи: «Теперь они дерутся с отчаянной решимостью обезумевшего человека»⁸. Зять президента Рузвельта писал: по словам фронтовиков, публикация плана оказала эффект, будто немцам добавили 30 дивизий.

Часть российских избирателей, изначально выступавших против агрессии, после ее начала изменили к ней свое отношение. Теперь ими движет ощущение, что пути назад нет: «Раз уж начали, то надо продолжать, иначе нас уничтожат». Понимание того, что никто их уничтожать не собирается, способно превратить этих людей из лоялистов в оппозиционеров.

Ясно, что напрямую призвать к свержению Путина западные правительства пока не хотят. Это и не обязательно. Предложение может быть сформулировано и без этого. Достаточно сказать, что помощь будет оказана после установления в России демократического режима и изменения внешнеполитического курса с агрессивного на миролюбивый.

Думаю, что переговоры по поводу плана Маршалла для новой демократической России со всеми заинтересованными (и даже незаинтересованными) западными игроками — от правительств и общественности до представителей медийного и экспертного сообществ, — должны стать для российской оппозиции, оказавшейся сейчас за рубежом, одной из самых главных задач. В момент крушения нынешнего режима оппозиционеры должны вернуться в Россию не с пустыми руками.

И не надо бояться обвинений в «распродаже Родины». Во-первых,

8 Beschloss, Michael R. The Conquerors: Roosevelt, Truman and the Destruction of Hitler's Germany, 1941–1945. New York: Simon & Schuster, 2002. P. 160.

обвинения эти нынешняя власть предъявляет уже много лет, так что ничего нового она в этом смысле сказать не сможет, а во-вторых, мобилизация внешней помощи для облегчения положения ограбленных предыдущей властью жителей страны «распродажей Родины» точно не является.

Заключение

Вернусь к упоминавшейся выше теме тактического мастерства людей, которые будут проводить реформы. От него успех будет зависеть в не меньшей степени, чем от содержания проводимых преобразований. Я упомянул, что политическую повестку надо будет формировать так, чтобы она не способствовала консолидации сторонников консервативного лагеря. Тому, кто хочет понять, как именно выглядят шаги, непосредственно ведущие в указанном направлении, я бы хотел порекомендовать малоизвестную у нас книгу французского историка Огюстена Кошена «Малый народ и революция», в частности, ее главу «Предвыборная кампания 1789 года в Бургундии»⁹.

В ней очень скрупулезно, в деталях описаны действия представителей адвокатского сообщества, выступившего главным организатором кампании третьего сословия. Пытаясь не дать противникам консолидироваться, они действовали очень трезво и эффективно — не хуже профессиональных политтехнологов. На первоначальном этапе, чтобы не возбудить раньше времени два главных вражеского лагеря — духовенство и дворянство, они осознанно минимизировали свои требования. Вместо того, чтобы сразу объявить о планах добиваться серьезных содержательных реформ, адвокаты ограничились процедурными требованиями удвоения квоты третьего сословия и поголовного, а не посословного голосования в будущих Генеральных штатах. У них была четкая иерархия целей и понимание, что добиться всего сразу не получится. Сначала нужно было решать задачи первого порядка, а затем переходить к остальным. Так они в конце концов и сделали. Не сумевшие вовремя мобилизоваться, представители высших сословий проиграли схватку в Генеральных штатах будущим революционерам. Кстати, на первоначальном этапе те сумели воспользоваться напряжением, накопившимся в отношениях правительства и дворянства, сделав на какой-то момент первое своим союзником против второго. А потом, когда пришло время, они и

9 Кошен О. Малый народ и революция. М.: Айрис пресс. 2004. С. 21—44.

правительство свергли.

Или вот еще. Слово автору: «Видно, как тактически умело действовала партия с первых своих шагов: любой неискушенный попросил бы мэра собрать представителей всех городских корпораций и предложить им проект ходатайства. Но мэр мог отказать, тем более многочисленное собрание чревато непредвиденными оборотами и трудно поддается управлению. Комитет адвокатов предпочитает созывать корпорации одну за другой, без лишнего шума, начиная с тех, где у них больше всего друзей — с врачей и судейских; таким образом можно незаметно застигнуть врасплох и устранить важные меньшинства, пока они не познакомятся друг с другом и не объединятся. Потом, по мере того как количество завербованных возрастает, увеличивается и надежность: созываются корпорации, не столь близкие к судейским, и в большем количестве; им предъявляют уже совсем готовое ходатайство — *cut and dried*, как говорят английские агитаторы, — за которое уже проголосовали влиятельные структуры; некоторые состоят в сговоре с адвокатами; на решение других давит вся тяжесть достигнутых соглашений, и они голосуют: это тактика снежного кома».

Кошен — это, конечно, не Токвиль. Он далеко не так авторитетен, и многие его подходы вызывают в научной среде вопросы. Тем не менее исследовательскую часть работы — изучение первоисточников — он проделал безупречно, поэтому технологическая составляющая процесса у него описана очень добротно. Именно она нас и интересует.

Очень многие сторонники демократии переживают, считая, что «русский народ уважает исключительно «сильную руку». На самом деле это правда только наполовину. А вторая половина правды состоит в том, что политический спрос не является чем-то неизменным. В политике запросы людей меняются точно так же, как меняются их житейские потребности: по мере удовлетворения одних актуализируются другие.

Все знают, что когда общество устает от потрясений и скандалов, оно начинает мечтать о стабильности, однако если его этой стабильностью перекармливать, оно назовет ее застоєм и захочет перемен. То же самое касается и «сильного лидера»: если он управляет людьми слишком долго, то у них постепенно созревает желание увидеть во власти кого-нибудь «заботливого» и «понимающего нужды простого народа». «Сильный» лидер, который потому и «силен», что он «не распускает нюни» и не «сюсюкается» с подчиненными, удовлетворить этот запрос оказывается не в состоянии.

Надо понимать, что любому образу соответствует антиобраз, и по

истечении какого-то времени доминировать начинает именно последний. Да, на протяжении долгих лет утомленные «слабостью» сначала Горбачева, а затем Ельцина россияне ждали «сильного лидера». В конце концов бог услышал их молитвы и прислал им Путина. Ровно в соответствии с полученным мандатом тот занялся удовлетворением давившей на социум потребности в безопасности и чувстве принадлежности к «великой державе». Делал он это неплохо, однако по мере насыщения у людей начали актуализироваться другие желания. Они захотели сочувствия, справедливости, уважения, захотели реализоваться в политике (которую Кремль тщательно охранял от вмешательства посторонних) и так далее. В какой-то момент с точки зрения своей способности соответствовать новым общественным запросам Путин уперся в потолок: нельзя быть всем для всех. Неудовлетворяемые потребности постепенно начали доминировать, до народа стало все чаще доходить, что «сила» — это не единственное качество, которым должен обладать политик, а возможно, даже и не самое главное. Люди осознали, что политик должен быть еще и справедлив, честен, он должен заботиться о простых людях и т.п. Всего этого «сильному» Путину не хватало, а с учетом того факта, что по временам он своей «силой» слишком уж злоупотреблял, она начала восприниматься как негативное качество — это была уже не столько «сила», сколько «наглость», «хамство», а в последнее время — «жестокость».

Да, конечно, правы те, кто говорит, что заставить индоктринированную публику изменить точку зрения — сложно, практически невозможно. Но дело в том, что по-настоящему индоктринированных людей не так уж много — намного меньше половины. Поэтому опытные политтехнологи в ходе своих кампаний их обычно переубедить даже не пытаются. Не считают нужным тратить на них силы и время. Политтехнологи исходят из того, что работать нужно, во-первых, со своими собственными сторонниками, активизируя их и не давая им выпасть из политического процесса, а во-вторых, с колеблющимися. От последних, собственно, все и зависит. Если удастся убедить критическую массу этих людей, то, помноженные на отобилизованных сторонников, они создадут ощущение динамики, которая деморализует противника. Тот вдруг почувствует, что его позиция превращается из мейнстримной в маргинальную. В философии это называется *Zeitgeist*. Те группы, что ему противостоят — какими бы индоктринированными они ни были, — все равно начинают терять волю к сопротивлению. Со временем они погружаются в апатию, а затем и вообще выпадают из политики — ни на выборы не ходят, ни на митинги.

Потом — после того, как оппозиция побеждает и приходит к

власти, — значительная часть бывших индоктринированных начинает адаптироваться к новому порядку и новым нормам. Надо понимать, что в целом это очень конформистская публика, поэтому если власть не будет выглядеть слишком уж «слабой», то она, эта публика, к новым подходам вскоре приножится. А вот если власть будет «мямлить», то бывшие индоктринированные могут стать базой для сторонников реставрации старых порядков, так что особо «мямлить» нельзя.

Момент, когда индоктринированные сторонники старого режима деморализованы, — это очень важное время. Именно в этот период должны быть проведены все необходимые институциональные реформы — воссоздана политическая инфраструктура демократического государства, восстановлен и закреплён принцип разделения властей, воссозданы федерализм и местное самоуправление, заложены основы нормальной децентрализованной экономической системы и так далее. Сделать это надо до того, как тяга россиян к «сильной руке» в очередной раз провернёт колесо истории и сделает возможной реставрацию авторитаризма.

Если это удастся, то Россия получит уникальный шанс выбраться, наконец, из той колеи, в которую она до сих пор регулярно скатывалась.

Завершая главу, еще раз перечислю основные идеи и темы:

- В целом российское общественное мнение к демократическим реформам готово и степень его «авторитарных устремлений» сильно преувеличена;
- Решающее значение будет иметь политическая конфигурация в том виде, в каком она сложится к моменту начала демократического транзита (состав игроков, степень их мобилизованности, дискредитированности и т.п.), поэтому заранее предсказать ход и логику процесса не представляется возможным;
- По сравнению с 90-ми транзит пойдет гораздо более легко, поскольку масштаб предстоящих преобразований несопоставим с тем, что проводились тогда; в 90-е осуществлялся переход не только от авторитаризма к демократии, но и от социализма к капитализму;
- Главная опасность, которая будет грозить транзиту, — это вопрос перераспределения полномочий между центром и регионами, помноженный на проблему межнациональных отношений;
- Решение вышеуказанной проблемы потребует специальных усилий в части создания институтов, которые будут «централизовать» политический процесс (политические партии, соответствующая избирательная система и пр.);
- Важнейшая задача реформаторов — не допустить чрезмерной децентрализации

не только в отношениях с регионами, но и в рамках федерального центра; сдержки и противовесы — это очень важно, но и управляемость системой тоже нужно будет сохранить;

- Риторика реформаторов должна содержать компонент отсылки к отечественной демократической традиции; не должно выглядеть так, будто демократизаторы полностью отменяют национальное начало;
- Люстрации будут необходимы, однако злоупотреблять ими нельзя; новая власть должна выглядеть не только восстанавливающей справедливость, но и взявшей курс на национальное примирение;
- Важнейшая задача реформаторов — обеспечить рост уровня жизни населения или по крайней мере не допустить его резкого падения; демократия не должна ассоциироваться с массовым обнищанием. Принципиальным фактором здесь окажется позиция международного сообщества — от него надо добиться принятия нового плана Маршалла;
- Какими бы популярными ни были реформы, они все равно породят какое-то количество недовольных; важнейшая задача реформаторов поэтому — организовать процесс так, чтобы противники одной реформы не вступили в союз с противниками другой; последовательность реформ в этом смысле — ключевой фактор, который предопределяет конечный успех дела.